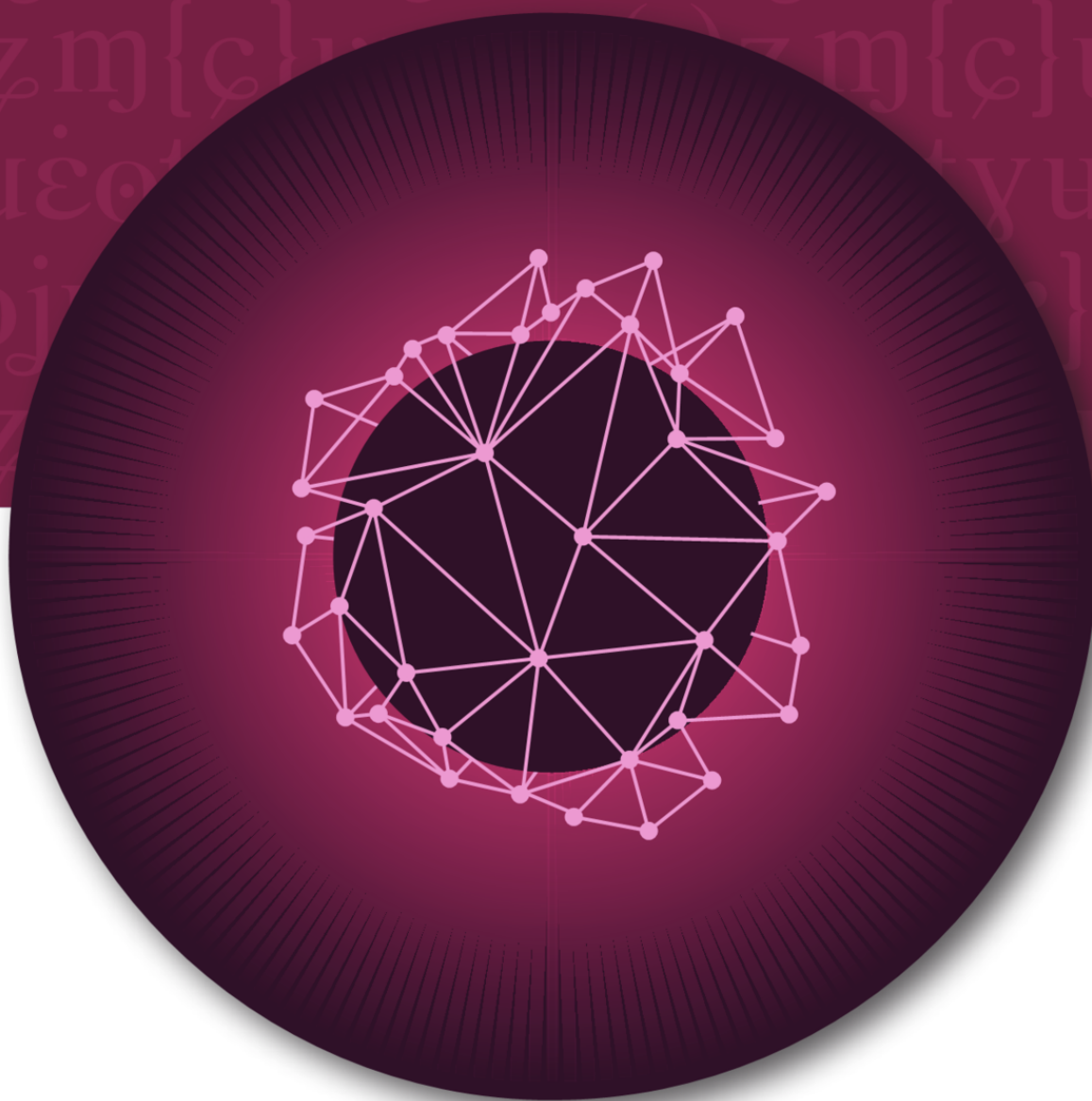

СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
SIBERIAN FEDERAL UNIVERSITY

О. Е. Гевель

«ДОЛОХОВСКИЙ ТЕКСТ»

ТВОРЧЕСТВА Л.Н. ТОЛСТОГО:

ИСТОКИ, СЕМАНТИКА, ФУНКЦИИ,

КОНТЕКСТ

Ольга Гевель

**«Долоховский текст» творчества
Л.Н. Толстого: истоки,
семантика, функции, контекст**

«Сибирский федеральный университет»

2017

УДК 82.09:821.161.1
ББК 83.3(2=411.2)53

Гевель О. Е.

«Долоховский текст» творчества Л.Н. Толстого: истоки, семантика, функции, контекст / О. Е. Гевель — «Сибирский федеральный университет», 2017

ISBN 978-5-7638-3593-9

Монография посвящена изучению образа Фёдора Долохова в романе «Война и мир» и «долоховскому тексту» в творчестве Л.Н. Толстого, включающему в себя мотивы с автобиографическим, мифопоэтическим и геокультурным генезисом. Рассмотрены тексты, в которых в преддверии «Войны и мира» апробируется блок мотивов, позднее вошедших в структуру образа Долохова; произведения, наследующие этому роману и развивающие данную мотивную линию; литературный и исторический контексты образа. Предназначена для студентов, магистрантов, аспирантов и преподавателей филологических факультетов. Может быть полезна при чтении курсов по истории русской литературы второй половины XIX века, при комментировании текстов Л.Н. Толстого, а также в эдиционной практике.

УДК 82.09:821.161.1

ББК 83.3(2=411.2)53

ISBN 978-5-7638-3593-9

© Гевель О. Е., 2017
© Сибирский федеральный
университет, 2017

Содержание

Введение	5
Глава 1	8
§ 1. Образ Долохова в оценке литературоведов	8
§ 2. Фёдор Долохов в истории замысла романа «Война и мир»	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

О. Е. Гевель

«Долоховский текст» творчества Л.Н. Толстого: истоки, семантика, функции, контекст монография

Введение

В истории европейских литератур существует плеяда героев, каждый из которых в предельной степени сконцентрировал в себе черты создавшей его эпохи и потому особенно часто привлекал к себе внимание критиков и исследователей. Дон Жуан, Гамлет, Дон-Кихот, Фауст давно стали объектами рассмотрения во многих специальных научных работах¹. Такие герои «стягивают» вокруг себя в определённый «текст» ряд системно воспроизводящихся мотивов и сюжетов. Русская литература также богата на героев, формирующих свой узнаваемый «текст». Значительное место в ряду таких феноменов занимают герои произведений Л.Н. Толстого.

Два мощных потока толстовского слова: «текст о герое» и «текст о себе» не всегда чётко разделены. Художественное построение, осмысление собственного жизненного сценария (зачастую – через дневники) и внедрение автобиографических деталей в произведения Толстого – вопрос, внимательно изучаемый со времён первой публикации и до настоящего момента, что иллюстрирует, например, исследование Д. Ранкура-Лаферьера, представляющее собой опыт психоанализа одного из главных героев романа «Война и мир» Пьера Безухова – однако не столько как образа в границах художественного целого эпопеи, сколько как индивидуума из внеэстетической реальности, натура которого обнаруживает совпадения с задокументированными чертами характера его создателя².

Во многих современных коллективных и авторских трудах на одном из главных мест находится проблема человека у Л.Н. Толстого³. Причём этим человеком становится зачастую сам Толстой, его биография, поведенческий текст⁴, поиск своего пути и веры⁵. Эта тема и в наши дни далека от исчерпанности: очевидно, некоторые значительные элементы биографии писателя интегрированы в его творчество, но соотношение лично пережитого и сочинённого, фикционального в произведениях Толстого детально не прояснено. Западные толстоведы также проявляют повышенный интерес к изучению личной жизни Толстого – в основном в психоаналитическом аспекте⁶. В связи с этим характерно, что особым образом в научном мире

¹ См., например: Легенда о докторе Фаусте / под ред. В.М. Жирмунского. М., 1978; *Багно В.Е.* Дон Кихот в России и русское донкихотство. СПб., 2009 и др.

² *Ранкур-Лаферьер Д.* Пьер Безухов. Психобиография // Ранкур-Лаферьер Д. Русская литература и психоанализ. М., 2004. С. 285–538.

³ *Орвин Д.Т.* Искусство и мысль Толстого. 1847–1880. СПб., 2006; *Зверев А.М., Тулиманов В.А.* Лев Толстой. 2-е изд. М., 2007; Лев Толстой и мировая литература. Материалы IV Междунар. науч. конф. Тула, 2007; *Morson G.S.* Anna Karenina in our Time. Seeing More Wisely. New Haven&London, 2007; *Сливицкая О.В.* «Истина в движении»: О человеке в мире Л. Толстого. СПб., 2009; Anniversary Essays on Tolstoy / Ed. by Donna Orwin. Cambridge, 2010; Лев Толстой и время / ред. Э.М. Жиликова, И.Ф. Гнюсова. Томск, 2010; Лев Толстой в Иерусалиме: Материалы междунар. науч. конф. «Лев Толстой: после юбилея» / сост. Е.Д. Толстая; предисл. В. Паперного. М., 2013.

⁴ *Orwin D.T.* Leo Tolstoy: Pacifist, Patriot, and Molodets // Anniversary Essays on Tolstoy. Cambridge, 2010. P. 76–95; *Никитина Н.* Усадьба как текст жизни Льва Толстого // Лев Толстой и мировая литература. Материалы IV Междунар. науч. конф., Тула, 2007. С. 241–252; *Никитина Н.* Жизнь Льва Толстого в Ясной Поляне. М., 2007; *Paperno, I.* Who, What Am I. Tolstoy Struggles to Narrate the Self. Cornell University Press, 2014.

⁵ *Густафсон Р.Ф.* Обитатель и чужак. Теология и художественное творчество Льва Толстого. СПб., 2003.

⁶ *Ранкур-Лаферьер Д.* Лев Толстой на кушетке психоаналитика. Женоненавистничество, мазохизм и ранняя утрата

акцентированы последние годы жизни и творчества Толстого⁷: на эту тему появляются рассчитанные на широкую аудиторию работы⁸, а также всё новые и новые экранизации толстовских произведений. Активно осваивается в научном поле и гендерный подход к романам Толстого⁹. Одной из продуктивных линий в работе толстоведов можно назвать анализ мифопоэтики текстов, обращённый к архетипическому в творчестве писателя¹⁰. Традиционно большое внимание привлекают как персонажные системы произведений писателя, так и поэтика отдельных образов. Стоит отметить, что значительный вклад в понимание природы и функций литературного героя внесла классическая работа Л.Я. Гинзбург, ставшая в отечественном литературоведении – и толстоведении в частности – надёжным фундаментом для исследований в области художественной антропологии¹¹. Существенная часть исследований посвящена заглавным и автобиографическим образам героев толстовских произведений. Кроме того, в недавнее время защищён ряд кандидатских и докторских диссертаций, посвящённых антропологии толстовских персонажей и художественным средствам их репрезентации в повествовательной структуре романов писателя¹².

Известно, что сам Л.Н. Толстой неоднократно подчёркивал: для него ни в жизни и в истории, ни в его произведениях нет главных и второстепенных героев (как нет и второстепенных мыслей), однако некоторые толстовские образы долгое время оставались «в тени» – и, кажется, образ Фёдора Долохова из романа «Война и мир» иллюстрирует недостаток внимания со стороны читателей и исследователей к героям «оттеняющим». Однако записи в дневниках Толстого и комментарии близких писателя однозначно свидетельствуют об интересе автора к этому герою, о сложностях в создании образа и об итоговом удовлетворении результатом работы над ним.

Образ Фёдора Долохова в романе «Война и мир» поставлен в центр данного исследования ввиду целого ряда новых перспектив прочтения толстовского творчества, которые потенциально может открыть всестороннее изучение этого персонажа, его места в повествовательной структуре «Войны и мира», корней образа в ранней прозе писателя и в самосознании биографического автора. Как литературный герой этот «демон» семейств Безуховых и Ростовых, постоянный спутник Анатоля, участник главных военных событий и светских перипетий романного действия исследован в отечественном и мировом толстоведении далеко не исчерпывающе. Фактически ему посвящена лишь одна отдельная работа, созданная канадским славистом Донной Оливер¹³.

Долохов постоянно оказывается рядом с главными героями романа-эпопеи, «оттеняя» каждого из них, становясь их временным контекстным двойником. С Николаем Ростовым,

матери // Ранкур-Лаферьер Д. Русская литература и психоанализ. М., 2004. С. 539–856.

⁷ Тамарченко Н.Д. Лев Толстой // Русская литература рубежа веков. Т. 1. М., 2001. С. 336–389.

⁸ Басинский П.В. Бегство из рая. М., 2010; Басинский П.В. Святой против Льва. М., 2013.

⁹ Матич О. Лев Толстой как модернист // Матич О. Эротическая утопия: новое религиозное сознание и fin de siècle в России. М., 2008. С. 33–64.

¹⁰ Жолковский А.К. Морфология и исторические корни рассказа Толстого «После бала» // Жолковский А.К. Блуждающие сны и другие работы. М., 1994. С. 87–102; Шульц С.А. Миф и ритуал в творческом сознании Л.Н. Толстого // Русская литература. 1998. № 3. С. 33–43; Васильев В.К. К описанию архетипического сюжета о «добрых» и «злых женах» в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» // Лев Толстой и время: сб. статей. Томск, 2010. С. 25–34; Толстая Е.Д. Мифологические умыслы в характеристиках героев «Войны и мира»: от первой ко второй версии // Актуальные проблемы изучения и преподавания русской литературы: взгляд из зарубежья. Материалы междунар. научно-практ. конф., посвящённой 190-летию кафедры истории литературы филологического факультета СПбГУ. СПб., 2011. С. 342–354.

¹¹ Гинзбург Л.Я. О литературном герое. Л., 1979.

¹² Шаповаленко Ю.В. Средства характеристики героев романа Л.Н. Толстого «Война и мир»: дис. ... канд. филол. наук. М., 2010; Набиев Н.Г. Проблема человека в творчестве Толстого: дис. ... д-ра филол. наук. Баку, 1999; Беляшин М.Ю. Художественная антропология позднего Л.Н. Толстого: дис. ... канд. филол. наук. Липецк, 2007; Кирсанов Н.О. Мифологические основы поэтики Л.Н. Толстого: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1998.

¹³ Oliver D. Dolokhov as Romantic Parody: Ambiguity and Incongruity in Tolstoy's Pre-Byronic Hero // Tolstoy Studies Journal. 2003. Vol. XV. P. 50–66.

Андреем Болконским, Пьером Безуховым у Фёдора Долохова складываются особенные отношения «притяжения-отталкивания». В случае с Николаем и Пьером работает схема «дружбы-вражды», оба раза отмеченная любовным треугольником. Ситуация с Андреем несколько сложнее: в тексте романа «Война и мир» герои ни разу не оказываются лицом к лицу, но Андрей как будто постоянно наблюдает за Долоховым и в своём «наполеоновском» периоде оказывается крайне ему созвучен. Элементарная схема любовного треугольника здесь усложняется – но, учитывая то, что именно Долохов разрабатывает весь план похищения Анатолем невесты Болконского Наташи, определённо присутствует.

Стоит отметить, что сюжетная значимость образа Фёдора Долохова доказывается довольно просто: при исключении этого героя из текста романа всё действие его неизбежно останавливается, тогда как без героев вроде Бориса, Берга, Билибина и др. мы легко себе можем представить сюжет «Войны и мира». Долохов у Толстого встречается читателю и в мирных, и в военных эпизодах, с одинаковой лёгкостью вписывается и в мир Москвы, и в мир Петербурга (тогда как герои Толстого в основном любят Москву, а в Петербурге чувствуют себя не на своём месте, или наоборот). Такая «вездесущность» Долохова делает его образ важным для анализа поэтики «сцеплений» романа «Война и мир», поэтому закономерным представляется рассмотреть автобиографические толстовские импликации, преломившиеся в этом персонаже, и систему сюжетных мотивов, в которую Долохов вовлечён и которую во многом генерирует.

В соответствии с декларировавшимся Толстым стремлением установить пронизывающие весь романский мир «сцепления», а также в связи с отчётливым антропоцентризмом философии художника хронотоп героя понимается как важнейший полюс смыслопорождения, позволяющий проследить как семантику внутритекстовых мотивных «сцеплений», так и внетекстовое авторское видение данного типа личности. Кроме того, в контексте отчётливого тяготения современного литературоведения к реконструкции сверткестовых образований в работе ставится вопрос именно о «долоховском тексте» Толстого как смыслопорождающей парадигме, созданной в процессе напряжённых исканий художника в области феноменологии человеческой личности.

Настоящее исследование посвящено определению места Долохова в системе персонажей романа «Война и мир» и в масштабе всего толстовского творчества. В современной науке о Толстом отсутствует связная, целостная реконструкция концептосферы Долохова – как в её исторической ретроспективе (внепрототипические источники образа), так и в функциональном отношении – с точки зрения влияния на структуру романного повествования. Мотивы, составляющие концептосферу образа Долохова, в творчестве Толстого регулярны и представляют собой устойчивое семантическое единство, парадигму, «текст» героя, причём сам Долохов является кульминационной точкой в динамике этой парадигмы. Эти наблюдения позволили говорить о «долоховском сюжете», «долоховской парадигме» или «долоховском тексте» в наследии великого романиста.

Глава 1

Образ Фёдора Долохова: генезис, семантика, сюжетные трансформации

§ 1. Образ Долохова в оценке литературоведов

В многолетней традиции литературно-критических оценок и научного изучения главного толстовского романа накоплено значительное количество ярких и проницательных частных наблюдений, посвящённых Долохову.

Очень симптоматично, что с самых первых критических отзывов о «Войне и мире» многие исследователи предпочитают вообще не упоминать о Долохове, исключая его из своих теорий и классификаций. Не назван он в наиболее ранних знаковых работах о толстовском романе – в статьях Д.И. Писарева «Старое барство» (хотя критик ведёт речь иногда и о совсем эпизодических персонажах) и Н.С. Леско-ва «Герои отечественной войны». М.И. Драгомиров, оценивавший роман «Война и мир» с военной точки зрения, лишь однажды, причём резко отрицательно, упоминает «нахального Долохова, лезущего со взятыми трофеями к полковому командиру и мимоходом, заодно, присваивающего то, что сделал Тимохин, т.е. остановку роты, когда бежал весь полк»¹⁴. И.А. Потапов хоть и даёт положительную оценку Долохову как офицеру, всё же определяет его как отрицательного персонажа, причём последнего в определённом семантическом ряду:

«Совершенствуя в своих многочисленных вариантах замысел в окончательный текст произведения, он (Л.Н. Толстой. – О.Г.) делал всё более отрицательными таких людей, как Василий Курагин, Борис Друбецкой, Анатолий Курагин, Долохов, и облагораживал положительных персонажей»¹⁵.

Н.Г. Долинина характеризует Долохова как самого непонятого, самого таинственного из всех героев «Войны и мира»¹⁶.

В таких оценках эмоциональный компонент преобладает над аналитическим: ни мифопоэтический слой повествования, ни функционально-нарративная роль персонажа ещё не затрагиваются. Принятая в этих работах система оценок регулируется этическими соображениями.

Довольно часто встречается определение Долохова как героя-антитезы, принципиально противопоставленного главным положительным героям. Так, Э.Е. Зайденшнур отмечает:

«Сцена предложения, дополняя характеры Наташи и Денисова, создаёт одновременно контраст чистоты Денисова и порочности Долохова, шулерски обыгравшего Николая в отместку за отказ Сони»¹⁷.

А.Д. Тимрот также подчёркивает функцию антитезы, «заложенную» в образе Долохова, но добавляет к ней ярко отрицательную коннотацию: «Характер Тимохина раскрывается также в сравнении. Рядом с ним действует разжалованный Долохов. Он ищет в бою отличий. Сме-

---

¹⁴ Драгомиров М.И. «Война и мир» графа Толстого с военной точки зрения // Роман Л.Н. Толстого в русской критике / сост., авт. вступ. статьи и коммент. И.Н. Сухих. Л., 1989. С. 167.

¹⁵ Потапов И.А. Роман Л.Н. Толстого «Война и мир». Современное и историческое в романе, проблема композиции, роль пейзажа. М., 1970. С. 52.

¹⁶ Долинина Н.Г. По страницам «Войны и мира»: заметки о романе Л.Н. Толстого «Война и мир». Л., 1989. С. 88.

¹⁷ Зайденшнур Э.Е. «Война и мир» Л.Н. Толстого М., 1966. С. 82.

лость его – не героизм, а авантюризм»¹⁸, потому ожидаемы дальнейшие негативные определения:

«Ярко нарисован Толстым образ авантюриста, неудачника Долохова. Бедность, непрочное положение в обществе при огромном честолюбии исковеркали умного, волевого Долохова, сделали его шулером, забиякой... Образ Долохова – это пример дворянской авантюристической воинственности. “Герои”, подобные ему, были благодатным материалом для захватнических войн. Долохов – человек без чести и долга, без чувства Родины»¹⁹.

Встречаются и положительные оценки Долохова как персонажа, но не как значимого действующего лица:

«Долохов, бывший до войны “знаменитостью в мире повес и кутил Петербурга”, картёжник, дуэлянт – на войне совершает чудеса храбрости, выдержки, находчивости. Разжалованный в солдаты, в условиях суровой солдатской жизни он приобрёл лицо гражданина и патриота. Гордый и жестокий, Долохов в то же время человек с душой, способен к глубоким и нежным привязанностям (отношение к матери, любовь к Соне). Накануне Бородинского сражения он искренне и мужественно просит прощения у Пьера»²⁰.

Образ Долохова в оценках исследователей поставлен и в ряд положительных героев: «неслучайно на полях сражений у реки Энс, Шенграбена и Аустерлица герои Толстого Денисов, Тушин, Андрей Болконский, Долохов показывают примеры мужества, храбрости и воинской доблести»²¹.

Недооценка сюжетобразующего значения Долохова встречается и в статьях критиков, и в исследованиях ведущих учёных-толстоведов. Например, С.Г. Бочаров о Долохове упоминает лишь вскользь, в связи с дуэлью Пьера. В работах Е.Н. Купреяновой²² и Л.Д. Опульской²³ образ Фёдора Долохова дан лишь как один из образов отрицательных героев в сравнении с положительными, живущими *живой жизнью*. При этом В.В. Вересаев, положивший своей работой «Живая жизнь» начало этой традиции истолкования романа, говорит о Долохове совершенно противоположное:

«Одна и та же сила жизни сказывается в наседке, радостно и хлопотливо водящей по двору цыплят, и в ястребе, вольно летающем под облаками. И если для наседки жизнь прекрасна и значительна именно в курятнике и нигде больше прекрасной быть не может, то для ястреба тот же курятник был бы сплошным ужасом и тоской. <...> В мирной, повседневной жизни Долохов задыхается, как ястреб задыхался бы в курятнике. <...> Хищный и сильный, он ярко живёт только среди борьбы и опасностей»²⁴.

Однако определение Долохова как хищника встречается довольно часто и в отрицательном ключе, например:

---

¹⁸ Тимрот А.Д. Герои и образы романа «Война и мир». 3-е изд., испр. и доп. Тула, 1966. С. 55.

¹⁹ Там же. С. 104.

²⁰ Леушева С.И. «Война и мир» Л.Н. Толстого. М., 1954. С. 68–69.

²¹ Потапов И.А. Роман Л.Н. Толстого «Война и мир». Современное и историческое в романе, проблема композиции, роль пейзажа. М., 1970. С. 90.

²² Купреянова Е.Н. Эстетика Л.Н. Толстого. М.: Л., 1966.

²³ Опульская Л.Д. Роман-эпопея Л.Н. Толстого «Война и мир». М., 1987.

²⁴ Вересаев В.В. Живая жизнь: О Достоевском и Л. Толстом: Аполлон и Дионис (о Ницше). М., 1991. С. 41.

«Свою нелюбовь к хищному типу художник, впрочем, заявил в изображении целого ряда таких лиц, как Элен, Анатолий, Долохов, Балага и пр. Все это натуры по преимуществу хищные: художник сделал из них представителей зла и разврата, от которых страдают главные герои его семейной хроники»²⁵.

В.Г. Одинокое относит Долохова к многочисленным проекциям, «уменьшенным в сотни раз копиям» Наполеона²⁶ (образ Долохова ставится учёным в один ряд с Анатолием, Сперанским, французом Рамбалем, компаньонкой княжны Марьи мадемуазель Бурьен). Парадигму «наполеоновских» героев исследователь реконструирует, опираясь на два основных признака: развращённость и театральная нежность по отношению к матери. В характеристиках всех названных выше героев эти признаки проявлены.

Вместе с тем ряд исследователей отмечают важную роль образа Долохова. Так, о его сюжетобразующем значении писал Б.И. Кандиев, считавший Долохова одним «из сквозных персонажей романа-эпопеи»²⁷. А.А. Сабуров указал на то, что «некоторые лица выполняют по преимуществу функцию сюжетной связи. Так, княгиня Друбецкая связывает сферу князя Василия (сферу знати) со сферой Ростовых... Долохов – сферу Анатолия, Пьера, Николая Ростова»²⁸. В.И. Камянов, единственный из российских толстоведов, кто подробно исследовал образ Долохова, в том числе в его внутрисюжетных связях, сделал важное замечание: «Долохову, который напоминает сфере “Мир” о сфере “Война”, доверена особой важности связующая миссия»²⁹, «он поставлен в самый центр диалектических связей между сферой “Война” и сферой “Мир” и уже поэтому занимает одно из ключевых мест в повествовании»³⁰.

Принципиально важны высказывания С.А. Толстой и К. Леонтьева, хорошо знакомых с точкой зрения самого писателя: «Мне очень Долохов нравится»³¹, – пишет С.А. Толстая мужу в письме 29 июля 1865 г. О.В. Сливичкая отмечает интересное высказывание К. Леонтьева: «У Долохова, например, особое место в романе. <...> Неслучайно К. Леонтьев заметил, что Толстой “почему-то” любит и “злого Долохова”»³². Здесь О.В. Сливичкая сознательно или бессознательно видоизменяет высказывание К. Леонтьева, писавшего: «гр. Толстой над всеми действующими лицами своими немножко и подсмеивается (кажется, над всеми, за исключением: Государя Александра Павловича, Андрея Болконского и злого Долохова – почему-то)...»³³.

Зарубежное толстоведение также внесло значительный вклад в изучение поэтики романа «Война и мир». Гэри Сол Морсон обратил внимание на то, как воспринимали образ Долохова первые читатели Толстого:

«Возможно, одна из причин, по которым первые критики сочли Долохова главным героем романа, – это его способность (данная в романе только ему) одинаково эффективно действовать в обеих ситуациях»³⁴ (ситуации войны и ситуации мира / светской жизни. – О.Г.).

²⁵ Страхов Н.Н. Война и мир. Сочинение графа Л.Н. Толстого. Томы I, II, III и IV. Роман Л.Н. Толстого «Война и мир» в русской критике / сост., вступ. ст. и коммент. И.Н. Сухих. Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1989. С. 253.

²⁶ Одинокое В.Г. Поэтика романов Л.Н. Толстого. Новосибирск, 1978. С. 78.

²⁷ Кандиев Б.И. Роман-эпопея Л.Н. Толстого «Война и мир». Комментарий. М., 1967. С. 22.

²⁸ Сабуров А.А. «Война и мир» Л.Н. Толстого. Проблематика и поэтика. М., 1959. С. 359.

²⁹ Камянов В.И. Поэтический мир эпоса. О романе Л. Толстого «Война и мир». М., 1978. С. 131.

³⁰ Там же. С. 171.

³¹ Толстая С.А. Письма к Л.Н. Толстому / ред. и примеч. А.И. Толстой и П.С. Попова. М.; Л., 1936. С. 58.

³² Сливичкая О.В. «Истина в движении»: О человеке в мире Л. Толстого. СПб., 2009. С. 73.

³³ Леонтьев К. О романах гр. Л.Н. Толстого. Анализ, стиль и веяние. Критический этюд. 2-е изд. М., 2012. С. 21.

³⁴ Morson G.S. Hidden in a Plain View. Narrative and Creative Potentials in “War and Peace”. Stanford, 1987. P. 172.

Образу Долохова и романтическим элементам в его структуре посвятила свою работу упоминавшаяся выше Донна Оливер³⁵. Ключевым элементом концепции Д. Оливер является акцент на особой роли Долохова в персонажной системе романа, а также вообще в художественной системе Толстого. В этой связи исследовательница справедливо дистанцируется от несколько наивных оценок героя с точки зрения того, «плох» он или «хорош». Учёным существенно расширен смысловой потенциал образа, в котором предложено видеть социокультурную тенденцию, аналогичную байронизму, – «долоховизм» (притом что Долохову, герою исторически более раннего поколения, сам Байрон известен быть не мог). «В результате Толстой предлагает через Долохова другой источник будущего поведения Евгения Онегина, Печорина и других героев русского романтизма: не байронизм, а “долоховизм”»³⁶. Д. Оливер подчёркивает преобладание эпизода с письмом Наташи, на самом деле написанным Долоховым, с письмом Германа Лизавете, открывая новые перспективы для сравнения: наполеоновский «фон» обоих персонажей, их жизненная неустроенность и т.д. Исследователь также отмечает недостаточное внимание к этому образу, характерное для толстоведческой литературы. Существенным является замечание о важной роли Долохова в судьбах толстовских героев. Д. Оливер называет это «внесением печали/беды»³⁷ в их судьбу, что играет роль «катализатора»³⁸, например, для сознания Пьера, постигающего благодаря этому то, что он и так в глубине души должен был понимать. В дальнейшем автор работы прослеживает итоги деяний Долохова, показывая, что все его разрушительные импульсы ведут и к позитивным, счастливым исходам.

Похожие наблюдения о влиянии Долохова на судьбы других толстовских героев сделаны несколько ранее Джорджем Р. Клеем:

«Похожим образом Долохов помогает протагонистам: сначала наставляя рога Пьеру, а потом провоцируя его на дуэль; затем вовлекая Николая в крупный карточный проигрыш. И если Анатолий выписан так, чтобы казаться доминирующей фигурой, притом что Наташа видится его жертвой, точно так же и в сцене карточной игры на первый взгляд кажется, что Николая – муха в паутине Долохова. На самом деле верно обратное: функцией долоховского карточного ловкачества становится провокация духовного роста Николая»³⁹.

Аналогичным образом «в ретроспективе мы можем увидеть, что семилетнее добровольное заточение в Лысых Горах – это то, что сохраняет Марию для Николая. Как и фиаско первого брака Пьера и расставание с женой через дуэль, спровоцированную также Долоховым, сохраняет его в состоянии холостяка, пока Наташа растёт»⁴⁰.

Далее Д.Р. Клей вслед за большинством исследователей-толстоведов обращает внимание на неизменность Долохова: «Долохов не собирается меняться: Долохов – это Долохов, непреодолимо жестокий, врождённо нечувствительный, обречённый двигаться только в одном направлении. Он получает наслаждение не только от выигрыша (пари всех родов, адюльтер, партизанская война), но и от втягивания других в те “игры”, правила которых он знает лучше всех. Их проигрыш – вот его настоящий выигрыш. Он не прост – ни пешка, ни марионетка. . .»⁴¹

Сложность образа Долохова, как нам кажется, заключается в том, что персонаж этот неизменно равен самому себе, и при этом, как и герои Достоевского, «незавершён», что противо-

³⁵ *Oliver D. Dolokhov as Romantic Parody: Ambiguity and Incongruity in Tolstoy's Pre-Byronic Hero // Tolstoy Studies Journal. 2003. Vol. XV. P. 50–66.*

³⁶ *Ibid. P. 52.*

³⁷ *Ibid. P. 51.*

³⁸ *Ibid. P. 57.*

³⁹ *Clay G.R. Tolstoy's Phoenix. From Method to Meaning in "War and Peace". Northwestern Univ. Press, 1998. P. 120.*

⁴⁰ *Ibid. P. 112.*

⁴¹ *Ibid. P. 120.*

речит традиционным представлениям о завершённости толстовских героев одновременно с их «текучестью». Долохов определённо иной, и эта «инаковость» должна стать предметом специального исследования. Избранный нами герой, безусловно, ближе к антропологии романов Достоевского, но его появление в толстовском тексте – не ошибка и не случайность.

§ 2. Фёдор Долохов в истории замысла романа «Война и мир»

И.А. Бунин в «Окаянных днях» отметил важный аспект творческого процесса Л.Н. Толстого: «...написание каждого слова в “Войне и мире” есть в то же время и строжайшее взвешивание, тончайшая оценка каждого слова»⁴². Создание персонажа Толстым – долгая работа по соизмерению его с жизнью. Толстовский герой «размыкается» в жизнь – и наоборот, живая реальность отражается в художественных образах (для создания одного героя порой задействовано несколько различных прототипов и стилевых стратегий). В данной главе мы рассмотрим эволюцию толстовского замысла в отношении образа Фёдора Долохова.

Работа над созданием этого персонажа была нелёгкой, что отражается в дневниках писателя. Существует четыре записи, посвящённые Долохову. Все они относятся к осени 1865 г. (15, 17, 20, 21 октября). Это самая частая череда упоминаний героя «Войны и мира». Дважды Толстой пишет о Билибине, обыкновенно же во время создания романа-эпопеи писатель дневник не ведёт вообще (роман как будто вытесняет дневник, вбирает в себя дневниковый материал).

Гэри Сол Морсон одним из первых обратил внимание на неравномерность присутствия Долохова в эпизодах романа «Война и мир». По мысли исследователя,

«Долохов представляет собой самый яркий пример непропорциональности по отношению к сюжету. Он появляется так часто, он описан так детально и ведёт себя так драматично на первых ста страницах романа, особенно в разделе, первоначально названном “1805 год”, что точно кажется его главным героем. Мы можем вспомнить, что читатели первых ста страниц считали его главным героем. Но роль его значительно уменьшилась после его дуэли с Пьером и неудачного сватовства к Соне, о нём забывают на несколько сотен страниц, и он вскользь появляется лишь во второй части книги»⁴³.

Действительно, Фёдор Долохов появляется гораздо чаще в первой половине романа, во второй же половине герой как будто медленно начинает исчезать из сюжета. В первом томе Долохов присутствует в восьми эпизодах (пари с англичанином; рассказы о квартальном и медведе; смотр войск; диалог с Жерковым под аккомпанемент солдатской песни; разговор с французами через неприятельскую цепь; атака роты Тимохина и предъявление Долоховым трофея; упоминание подвига Долохова в докладе Багратиону; сцена на льду плотины Аугеста).

Во втором томе романа мы встречаем этого героя в двенадцати эпизодах (упоминание о связи Долохова с Элен; обед в честь Багратиона; ссора с Пьером; дуэль; размышления Пьера после дуэли; сцены в доме Ростовых перед сватовством Долохова к Соне; карточная дуэль с Николаем; размышления Пьера на станции Торжок; «убить злую собаку даже очень хорошо», – говорит о нём Пьеру Андрей в Богучарове; встреча в театре; обсуждение похищения Ростово́й; неудавшееся похищение). В третьем томе с Долоховым связан только один эпизод (примирение с Пьером на Бородинском поле), в четвёртом томе читатель видит Долохова в перипетиях партизанской войны (спор с Денисовым о пленных; вылазка с Петей Ростовым во вражеский лагерь; атака; казнь пленных). Далее герой пропадает из текста романа и более не упоминается, поэтому его сюжетная линия оказывается незавершённой.

---

⁴² Бунин И. А. Окаянные дни. Л., 1991. С. 90.

⁴³ Morson G.S. Hidden in a Plain View. Narrative and Creative Potentials in “War and Peace”. Stanford, 1987. P. 151.

С одной стороны, эта незавершённость рассматривается исследователями как момент дискредитации персонажа – Толстому он становится более не интересен и не нужен, а потому дальнейшее его появление не обязательно. С другой стороны, такая незавершённость может быть обусловлена особенностями героя, его глубинными архетипическими кодами, связанными с мотивами пограничности: в частности, изучение мифопоэтической семантики образа крайне продуктивно как при работе с черновиками, так и при анализе основного текста романа (см. об этом в специальных разделах монографии).

Текстологическая лаборатория романа «Война и мир» – это планы и заметки, вступления, предисловия, начала, черновые редакции и варианты, однако при всём своём многообразии это неполный свод толстовских текстов, касающихся данного произведения; многие рукописи не сохранились. В полном собрании сочинений 1928–1958 гг. рукописи представлены не цельными текстами, а рядом отрывков, расположенных в хронологическом порядке и требующих повторной реконструкции. Исследованию этой темы посвящены работы многих толстоведов: Э.Е. Зайденшнур, В.А. Жданова, К. Фойер и др.

В черновиках и предварительных редакциях первой половины «Войны и мира» Долохов занимает гораздо больше места, чем в основном тексте романа, его образ постоянно дорабатывается, изменяется (что вообще характерно для творческой стратегии Толстого). Первоначальные наброски образа Долохова содержатся в планах и заметках романа, относящихся к 1863–1864 гг. Кэтрин Фойер указала на то, что «молодой пройдоха»⁴⁴ Долохов, появляясь под именем Анатоля уже в первой рукописи, представленной в 90-томнике, сразу же становится обязательным героем⁴⁵. Анатолий черновых редакций, по словам Фойер, «был первым отрицательным персонажем, задуманным для романа, и интересно, что Толстой постоянно упоминает о его тесной связи с Пьером»⁴⁶. Эквивалентность образов Долохова и Пьера особенно чётко вырисовывается на материале рукописей и черновых редакций (что будет рассмотрено в § 5 главы 2).

Узнать Долохова можно и в образе гусара Простого, чьи черты перейдут потом в характеристики Николая Ростова, а первоначальная соединённость образов повлияет на сюжет взаимодействия этих героев. Встречается образ Долохова в рукописях и под именем Шульца, но записей об Анатоле или Шульце в черновиках и первых редакциях несравнимо меньше, чем записей собственно о Долохове. Стоит отметить, что, хотя прообраз Долохова – Анатолий Шимко – появляется сначала в мирных эпизодах, все первые упоминания о собственно Долохове связаны с военными действиями.

В структуру образа в черновиках постоянно внедряется жестокость, потому можно говорить о значительном смягчении общей тональности подачи Долохова читателю в окончательном варианте романа. При этом две версии описания выздоровления героя после дуэли с Пьером, не попавшие в основной текст романа, ещё ярче раскрывают образ Долохова как нежного, даже сентиментального сына и брата (его биография и семейный круг чётче прописаны на страницах ранней редакции романа).

Некоторые мотивы, формирующие поэтику и концептосферу образа героя, сопровождают его уже с самого первого появления на страницах черновиков романа. Так, выигрыш в карты у Ростова присутствует в заметках и первых вариантах [XIII. С. 149].

Любопытно, что «двойная улыбка» Долохова – характеристика, с которой он впервые и только однажды появляется на страницах романа «Война и мир» (она будет сигнализировать о двойственности его натуры), – в черновых редакциях встречается неоднократно во множестве

⁴⁴ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. (Юбилейное). М., 1928–1958. Т. 13. С. 13. Далее ссылки на это издание даются в квадратных скобках с указанием тома и страницы.

⁴⁵ Фойер К.Б. Генезис «Войны и мира». СПб., 2002. С. 259.

⁴⁶ Там же. С. 76.

разных эпизодов. При этом Долохов первых редакций открывается читателю через описание его внутренней жизни, мыслей, страхов – в окончательном же тексте романа о Долохове мы узнаём только из того, что он говорит и что делает; допуск читателя к мыслям этого героя Толстой решил закрыть.

Ранние редакции содержат и различные психологические обоснования ситуаций и чувств, испытываемых другими персонажами к Фёдору Долохову, которые даны в романе уже без объяснений. Таково, например, разъяснение нелюбви Наташи к Долохову:

«– Вы слышали, как я пою? – спросила вдруг Наташа, краснея. – Хорошо? Лучше Акульки цыганки?»

– Ах да, очень хорошо, – холодно, учтиво и ласково, как с ребёнком, сказал Долохов, улыбаясь своей светлой улыбкой. Наташа быстро повернулась и ушла. С этой минуты Долохов существовал для неё как мужчина менее, чем лакей, подающий кушанье» [XIII. С. 549].

Детально объяснено и участие Долохова в похищении Наташи Анатодем – в основном тексте романа эта роль подаётся Толстым как вторжение в мир согласия толстовских героев, выглядящее не как очередная чем-то мотивированная месть, а как беспричинная, но неизбежная долоховская интервенция:

«Долохов не любил Ростовых, потому что с ними связывалось для него тяжёлое воспоминание об обыгранном Николае, Николае, так искренне любившем его, и оскорбительное воспоминание об отказе Сони. Он увидел Соню, заметил впечатление, произведённое Наташей на Анатоля, и у него составилась план действий» [XIII. С. 844].

На полях текста второй редакции, кроме того, уточнено, что именно Долохов написал анонимное письмо Пьеру – в классическом тексте письмо так и осталось анонимным, а почерк – только знакомый, и читателю остаётся неизвестным, чей он. В предварительной же редакции читаем об анонимном письме, «почерк которого был похож на почерк Долохова»; «он чувствовал, что догадка о том, что автор письма был Долохов, была правда» [XIII. С. 559]. Кроме того, ещё ярче подчёркнута роль Долохова в самом похищении: «Ах, mon cher, всё это так глупо, это меня Долохов сбил» [XIII. С. 862], – признаётся сам Анатолий Пьеру.

Поскольку творческая лаборатория романа «Война и мир» реконструирована не полностью, то замечание Г.С. Морсона о непропорциональности Долохова сюжету так и останется не опровергнутым: в существующих редакциях второй половины романа есть несколько эпизодов с Долоховым, не включённых в основной текст, но их все равно несравнимо меньше, чем в первой половине романа. В первой редакции «Войны и мира», реконструированной Э.Е. Зайденшнур⁴⁷, Долохов уже вовлечён в почти такое же количество романских сюжетов, как и в основной редакции. Ни в итоговом тексте, ни в черновиках эпилога Долохов никак не упоминается.

Для окончательного текста романа характерно сокращение числа фактографических деталей в палитре образа Долохова (основанных на отборе характеристик его прототипов) и увеличение деталей художественных с одновременным вовлечением его в большое количество значимых сюжетных линий, что позволяет говорить о герое как о концептуально и структурно значимом элементе романного нарратива.

Содержательное наполнение образа в определённый момент перестало устраивать Толстого; событийно-фактографический контекст героя был с нескольких сторон сильно сокращён, и в итоге Долохов превратился в ту повествовательную загадку, которую видит в нём

---

⁴⁷ Зайденшнур Э.Е. Как создавалась первая редакция романа «Война и мир» // Лит. наследство. Т. 94.

современный читатель и исследователь: широкие повествовательные валентности парадоксально соединяются в образе с душевно-характерологической недосказанностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.